

Савельева Инна Геннадиевна

**ФИЛОСОФСКО-ЭСТЕТИЧЕСКАЯ КОНЦЕПЦИЯ И АСПЕКТЫ КОМПОЗИЦИИ ПУТЕВОЙ ПРОЗЫ
ЛОРЕНСА ДАРРЕЛЛА**

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/1/2010/2-2/49.html

Статья опубликована в авторской редакции и отражает точку зрения автора(ов) по рассматриваемому вопросу.

Источник

Альманах современной науки и образования

Тамбов: Грамота, 2010. № 2 (33): в 2-х ч. Ч. II. С. 134-136. ISSN 1993-5552.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/1.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/1/2010/2-2/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: almanac@gramota.net

Основными критериями сформированности билингвальной коммуникативной компетенции являются: когнитивный (знания о культуре как социальном феномене, о тенденциях развития современного поликультурного мира, представление о диалоге/полилоге культур как единственно возможной философии существования, о специфике работы переводчика, осознание собственной культурной принадлежности), мотивационно-аффективный (проявление эмпатии, толерантности, эмоциональной устойчивости, гуманистической направленности) и поведенческий (способность применять адекватные средства при решении профессиональных задач взаимодействия с людьми, умение снимать напряженность во взаимоотношениях, конфликтоустойчивость). При этом проектирование модели образовательного процесса, обеспечивающей билингвальную подготовку будущего переводчика, базируется на следующих принципах: социокультурном, профессионально-личностном, теоретико-практическом.

Список литературы

1. **Величковский Б. М.** Современная когнитивная психология. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1982. 332 с.
2. **Гавриленко Н. Н.** Обучение переводу в сфере профессиональной коммуникации. М.: Изд-во РУДН, 2008. 176 с.
3. **Елизарова Г. В.** Культура и обучение иностранным языкам. СПб.: Каро, 2005. 352 с.
4. **Мыльцева Н. А.** Гуманизация языкового образования в специализированных вузах // Высшее образование сегодня. 2006. № 12. С. 56-58.
5. **Сафонова В. В.** Социокультурный подход к обучению иностранным языкам. М.: Высш. шк.; Амскорт интернэшнл, 1991. 305 с.
6. **Семин Ю. Н.** Интегративность знаний и педагогическая модель ее измерения // Проблемы теории и методики обучения. М.: Изд-во РУДН, 1999. № 4. С. 14-17.

УДК 82-3

Инна Геннадиевна Савельева

Коломенский государственный педагогический институт

ФИЛОСОФСКО-ЭСТЕТИЧЕСКАЯ КОНЦЕПЦИЯ И АСПЕКТЫ КОМПОЗИЦИИ ПУТЕВОЙ ПРОЗЫ ЛОРЕНСА ДАРРЕЛЛА[©]

В России фамилия Даррелл чаще всего ассоциируется с известным анималистом Джеральдом Дарреллом, подарившим читателям множество увлекательных книг о животных. Удивительным остается факт, что его старший брат, Лоренс Даррелл (1912-1990), будучи достаточно плодовитым писателем и снискавшим себе популярность в США и Великобритании не получает должного исследовательского и читательского внимания в России. Однако, нельзя не отметить, что в последнее десятилетие наблюдается некий «издательский бум» - произведения Л. Даррелла активно переводятся и выходят в печать.

Несмотря на то, что знаменитая тетралогия Даррелла «Александрийский Квартет» (1962) и по сей день продолжает затмевать другие его произведения, путевая проза этого писателя, высоко оцененная зарубежными литературоведами, нашла свой путь к российскому читателю. Такое внимание к творчеству Даррелла может быть продиктовано и возросшим (впрочем, никогда и не затихавшим) интересом к проблеме самоидентификации, диалогу культур, попытке понять и проникнуть в мир людей другой ментальности, чтобы, в конечном итоге, лучше и глубже понять самих себя.

Сегодня читатели имеют возможность насладиться такими произведениями Даррелла в жанре путевой прозы или травелога, как «Горькие лимоны» (1957) и «Размышления о Венере Морской» (1953). Вполне вероятно, что в скором будущем появятся новые переводы его произведений, например «Сицилийская Карусель» (1977), книга, отрывки из которой были опубликованы в журнале «Иностранная литература» (далее - ИЛ) в переводе С. Силаковой (ИЛ. 2007. № 12).

Даррелл говорил о себе как о «писателе пребывающем» (“residence writer”), т.е. о писателе, который живет в том или ином месте не как турист или гость. Как и многие другие авторы путевой прозы этого типа, а именно: Пол Тьеру, Брюс Чэтвин, Пол Боулз, Даррелл видит и чувствует себя жителем той страны, в которую он приехал, в противопоставление тому чувству потерянности, оторванности от дома, «изгнанности» в чужую страну, которым пропитаны работы Франца Кафки, Райнера Марии Рильке, Владимира Набокова, Сэмьюэла Беккета, Хорхе Луиса Борхеса, В. С. Найпола [7, р. 134].

В отличие от них, Даррелл чувствует себя оторванным от дома постоянно, он просто не знает, где его дом. Поиски своего «места», попытки найти такую точку на карте, где писатель смог бы остаться до конца своей жизни заняли у Даррелла не одно десятилетие и, соответственно, вылились в его необычную путевую прозу, в которой Даррелл развивает своё представление о человеке в пространстве. Вместо того, чтобы быть просто писателем-путешественником, Даррелл - писатель, который сосредотачивается на том месте, где ему довелось жить, описывает своё приобщение к жизни людей описываемого края.

Поэтому, все его книги, по его собственному замечанию, можно называть не «путевой прозой», а «прозой пребывания» - книгами о «проживании» в тех или иных местах. Даррелл использует английский термин, который точно передает основную черту такого рода произведений - «residence books» [6, p. 8].

На наш взгляд, индивидуальность писателя в значительной мере определяется тем, что он родился не в Метрополии. Детство, проведенное в Индии, по признанию самого писателя, сильно повлияло на его будущее отношение к тем местам, которые станут для него домом на тот или иной промежуток времени [4, с. 150]. Неудивительно и его увлечение восточной философией, понимание которой писатель воплотит в своем заключительном и по истине самом масштабном произведении - «Авиньонский Квинтет» (1992).

Хотя у Даррелла долгое время не было постоянного «дома», места, куда бы он возвращался из своих путешествий, то же самое нельзя сказать о так называемых «духовных» или «творческих» центрах. Одним из таких центров стала для писателя Греция и особенно греческие острова. Впервые Даррелл приехал в Грецию, на о. Корфу, будучи ещё начинающим писателем. Местность и культура так поразили его, что позже он объездил ряд других островов Средиземноморья. Таким образом, сложился ряд «островных» книг Даррелла: «Камера Просперо» (1945, об острове Корфу), «Темный Лабиринт» (1947, об острове Крит), «Размышления о Венере морской» (1953, об острове Родос), «Горькие Лимоны» (1957, об острове Кипр), «Сицилийская карусель» (1977) и «Греческие Острова» (1978).

Не смотря на чувство причастности к судьбам этих, по сути, чужих земель, на непревзойденное умение Даррелла налаживать отношения с местными жителями и заводить крепкую дружбу везде, где бы он ни жил, многие его произведения могут быть объединены одной характерной чертой. Рассказчик, автор путевых заметок, весьма часто является добровольным или вынужденным изгнанником, иностранцем, работающим за рубежом, колонизатором, почти таким же, как сам писатель и его друзья, чувствующие себя «жертвами кораблекрушения», «беженцами», «эмигрантами». Тема перемещенности, доминирует в творчестве Даррелла. Все его персонажи, так или иначе, оказываются перемещены физически, но в большей степени духовно и психологически, т.е. они не находят себе *места*. В то же время, Даррелл изобретает, «рисует» места и пейзажи, а большая часть его воспоминаний о «реальных» местах, таких как, например, Венеция, Стамбул и Лондон, представляют собой изящные умозрительные построения. Наиболее ярко данная оппозиция между «реальным» и «воображаемым» проявляется в картинах английского художника и иллюстратора Пола Хогарта (1912-2001), пытавшегося отыскать для своих акварелей натуру, описанную Дарреллом и не нашедшего ничего, что хотя бы отдаленно её напоминало [7, p. 134]. На первый взгляд, в этом нет ничего удивительного, ведь каждое описание того или иного места обусловлено волей творца, игрой его воображения и теми художественными целями, которые он преследует. Тем не менее, не стоит забывать, что место, куда автор помещает своих героев, где разворачиваются события произведения, может играть не только роль фона.

В своём творчестве Даррелл развивает идеи Д. Г. Лоуренса о «духе места». Даррелл исследует этот феномен, используя элементы философской концепции Зигмунда Фрейда, культурологической парадигмы Освальда Шпенглера, фольклора и любительской антропологии. Как и Д. Г. Лоуренс, Даррелл склонен к обобщениям, касающимся тех или иных локусов, например, «Лондон», «Средиземноморье», «Италия» и др. В прозе Даррелла, как и в прозе Д. Г. Лоуренса ландшафт играет ведущую роль. Однако, у Д. Г. Лоуренса ландшафт - это фон повествования, который имеет символическое значение. В прозе Д. Г. Лоуренса ландшафт придает повествованию дополнительный смысл, как, например, в романе «Белый павлин», где зимний ландшафт занимает в повествовании центральное место. Ландшафт является важным элементом сюжета, как, например, в романах «Тесс из рода д'Эрбервиллей» Т. Харди и «Грозовой перевал» Ш. Бронте; искажение ландшафтных сцен в этих произведениях неизбежно повлекло бы за собой значительные изменения сюжета.

Все формы сознания обусловлены историей, и я просто обязан воспринимать ландшафт как поле деятельности человеческой воли - распластанный на хутора и деревни, распаханый городами. Ландшафт, меченный росчерками людей и эпох. Но теперь я все же мало-помалу начинаю понимать, что воля наследует пейзажу, что мебель человеческой воли зависит от местоположения человека в пространстве, от того, родился он среди возделанных полей или в жестокой до садизма лесной чаще [2, с. 232].

Даррелл же придает месту ещё более глубокое значение, он делает его одним из полноправных героев произведения. Самым ярким примером «олицетворения» пейзажа является Александрия в «Александрийском Квартете», «столица памяти», город, который становится сверхперсонажем, в какой-то степени самим рассказчиком в метафорическом смысле, и в то же время местом, обретающим жизнь, благодаря самим героям. Образ города становится центральным элементом в композиции романа, символом, местом, где личная и мировая история переплетаются так, что жители оказываются всего лишь управляемыми куклами, чьи действия подчинены желаниям самого города: «Город, совсем как человек, собирает к старости целую коллекцию чудачеств, страстишек и страхов» [2, с. 101].

«Дух места» по Дарреллу, как и другие теории пространства, - это эстетическая концепция, определяемая совокупностью социальных, политических, психологических и символических факторов [6, p. 15].

Пейзаж (ландшафт) - это символизация, «культурный образ», насыщенный значениями и чувствами героев, а не просто нечто похожее на декорации для действий людей.

Список литературы

1. Библер В. С. Культура. Диалог культур. Опыт определения // Вопросы философии. 1989. С. 31-42.
2. Даррелл Л. Александрийский квартет: Жюстин: роман / пер. с англ. и примеч. В. Михайлина. СПб.: Симпозиум, 2007. 304 с.
3. Михайлин В. Ю. «Александрийский квартет» Лоренса Даррелла и проблема романтизма: дис. ... канд. филол. наук. М., 1991.
4. Михайлин В. Ю. Портрет на фоне изменяющегося пейзажа // Иностранная литература. 2000. № 11. С. 148-168.
5. Шпенглер О. Закат Европы: в 2 т. / пер. с нем. И. И. Миханькова. М.: Айрис-пресс, 2003. Т. 1. 624 с.
6. Durrell Lawrence. Spirit of place. London: Faber, 1971.
7. Robinson Jeremy Mark. Lawrence Durrell: between love and death, east and west. Kent: Crescent Moon, 2008. P. 262.

УДК 81'367.622.12

Ирина Анатольевна Саликова

Астраханский государственный университет

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИХ ЕДИНИЦ
С ИМЕНАМИ СОБСТВЕННЫМИ ВО ФРАНЦУЗСКОМ ЯЗЫКЕ®

В настоящее время в русле антропоцентрического подхода в лингвистике имена собственные (ИС) как единицы языка/речи, связанные с обозначением человека, его особенностей, его деятельности, детально изучаются по всем направлениям. ИС являются частью лексического фонда языка и тесно связаны с культурой нации. Особый интерес для лингвокультурологических исследований представляют фразеологические единицы (ФЕ) с ономастическим компонентом так как обе эти единицы ярко культурно маркированы.

Как известно, имена собственные и имена нарицательные образуют универсальную оппозицию в системе имен существительных любого языка. ИС составляют особую группу существительных, представляющих собой «названия отдельных лиц и индивидуальных единичных предметов и явлений действительности, отличающие их от других однородных предметов и явлений» [2, с. 24-37].

Трактовка понятия ФЕ не нашла однозначного решения в современной лингвистике. В качестве основных признаков выделяется раздельнооформленность компонентов и семантическое преобразование, воспроизводство в готовом виде, регулярность употребления и специфическая семантическая структура [7, 8], устойчивость [1] и переосмысление и устойчивость: структурно-семантическая, семантическая, лексическая, синтаксическая устойчивость [5].

ФЕ нами понимается как раздельнооформленная единица языка, представляющая собой устойчивое сочетание лексем, характеризующаяся полным или частичным семантическим преобразованием компонентов.

Для данного исследования методом структурного анализа ФЕ были выбраны 266 ФЕ, содержащие в своем составе ономастический компонент. Из 266 ФЕ были выделены 161 ФЕ с антропонимическими лексемами, например: *c'est du bon temps de Jean de Vert; les champs de Bellone; baiser de Lamourette*; 80 ФЕ с компонентом-топонимом, например: *aller à Naples sans passer les monts; l'abeille de la France; crétin des Alpes*; 21 ФЕ с прочими видами ИС, например: *quand Noel a son pignon, Pâques a son tison; Grande Armée; aller bien comme le Pont-neuf*; и 4 ФЕ, содержащие ИН, перешедшие в ИС, например: *aller chez Malva; va (te faire voir) chez Plumeau; il s'appelle Reviens; à la barbe de Pantalon*.

Одной из наиболее представленной групп ФЕ в нашем исследовании является группа ФЕ с антропонимическим компонентом. По характеру генезиса мы классифицировали все ФЕ с ономастическим компонентом на детерминированные и индетерминированные ФЕ [4, с. 51; 6, с. 20]. Мы понимаем под детерминированными ФЕ, ФЕ, содержащие в своем составе ИС, генетически восходящие к определенному существующему или утраченному денотату, а также ФЕ, восходящие к мифологическим, библейским персонажам и литературным героям [4, с. 51], например: *arche de Noé, avoir les yeux d'Argus, fier comme Artaban*. Индетерминированные ФЕ представляют собой ФЕ, которые не имеют первичного денотата [Там же], например: *à l'aise, Blaise!, vas-y, Léon, ça glisse, Alice!* В нашем исследовании было обнаружено 24 индетерминированных ФЕ и 137 детерминированных ФЕ.

По характеру и первичной сфере употребления антропонима данные ФЕ делятся на четыре группы:

1. ФЕ с именами и фамилиями, которые не относятся к конкретному денотату, например: *se faire appeler Arthur, Quand Jean bête est mort il a laissé bien des héritiers (prov.), Marie-Bressade*.

2. ФЕ с именами и фамилиями, прототипами которых являются реально существовавшие (существующие) личности, например, *couper la queue du chien d'Alcibiade, anneau de Gyges, ami de Platon, mais plus encore de la vérité*.

3. ФЕ с именами и фамилиями мифологических героев и библейских персонажей, например, *le compagnon de saint Antoine, arbre d'Hercule, les champs de Bellone*.